

ТЕАТРАРИУМ

На сцену вышел маленький серый котенок. Небрежно бросив взгляд на артистов, он двинулся было в черную кулису. Но передумал. Плотно подобрав лапки, уселся с левого края сцены и внимательно стал наблюдать за тем, что на ней происходит. Не знаю, что думал брат наш меньший по поводу театра, видя его исключительно в черно-белой гамме, а лично меня одолевала мысль. По поводу и режиссера **Сергея Яшина**, и его театра имени писателя **Гоголя**, и спектакля, который с утра до вечера он репетирует. А репетирует он пьесу, которая до сего дня не ставилась в России — «Король забавляется» **Виктора Гюго**, больше известную у нас как музыкальная версия — опера «Риголетто» **Верди**.

— Это каждая сцена — забава. Страшная забава!!! — кричит из зала Яшин и бежит на сцену, чтобы рассказать артистам, как именно страшно все происходит. В прошлом и, главное, в настоящем. В истории замешаны королевские особы и простые смертные. Но все они чертовски одиноки, безнадежно несчастны, что не обещает никакого хеппи-энда. А кто виноват, спрашивается? Да сами и виноваты: король погряз в разврате, его шут-горбун Трибуле — в амбициях и злости, а его единственная любимая дочь Бланш — в любви, естественно, пагубной. Не говоря уже про других участников событий, которые падают жертвой собственной алчности и зависти. Так было и так, похоже, будет.

КОРОЛЕВСКИЕ ЗАБАВЫ В КРОВАВЫХ ТОНАХ

тается зафиксировать «сплетенные рук, сплетенные ног». Про сплетение судеб Гюго все написал: шут злобствовал, издевался над людьми и сам пал жертвой. Именно это пытается втолковать Яшин своим актерам.

Чем дальше нагнетаются страсти и танго наливается зноем, режиссер сам как будто в страстном танце все больше мечется между молодыми актерами. Он показывает, объясняет, одновременно проигрывает каждое слово, сцену. Стихи опять идут прозой. Причем не про прошлое, а про настоящее, про которое, собственно, он и ставит своего забавляющегося короля.

— **Сергей Иванович, вы так хорошо показываете, а нет желания выйти на сцену?**

— О, нет. Я ведь артистом был. Но после того, как я закончил ГИТИС в 1973 году, на сцену не выходил. Гончаров очень хотел, чтобы я в «Беседах Сократа» сыграл первого ученика. Но это совершенно другая профессия. Можно сказать, что я и режиссером захотел стать, потому что мне надоели люди, которые хотели, чтобы я их слушал и выполнял их волю.

— **Может, ваши артисты тоже так думают?**

— Может быть. Конечно, были мастера, кто совмещал актерство с режиссурой, но это все равно другая профессия. И Олег Ефремов, по большому счету, до конца дней своих оставался артистом, хотя был деятелем титанических организаторских способностей.

— **Вы не боитесь, что публика, отвыкшая от стихов в театре, спектакль не воспримет.**

— Это риск, но сознательный. Пять действий в стихах. И это не просто стихами разговаривать. Вопрос — как сохранить правду, реалистичность и ритм. Когда человек начинает говорить рифмой, жить в ритме — это ведь дает определенное самочувствие спектакля. Сейчас в основном пытаются подмять стих под прозу, но это не очень правильно. Я хочу, чтобы зритель понял, почему на сцене говорят не прозой, а начинают рифмовать. Тем более что перевод замечательный — Павла Антокольского.

Джаз сменяет танго. Танго переходит в психоделику. Шут спорит с режиссером, а в это время танцующие танго развлекаются, пытаются поэффектнее сплестись в сцене дворцовой оргии. Среди них особенно забавен пожилой господин с патефоном, который неловко и нелепо пытается подстроиться под компанию молодых развратников.

Такое детям лучше не показывать. Но малолетка, то есть серый котенок, продолжает сидеть в кулисе и заворуженно тарашиться на сцену. Котенка никто не прогоняет, потому что главреж Яшин твердо убежден, что кошки в театре приносят удачу.

— В Мариинке пару лет назад я был на спектакле «Легенда о любви». Мы сидели в ложе. И вдруг в середине какого-то номера кошка пошла по авансцене. Дошла до середины и почувствовала, что что-то не то. Она шевельнулась, наверное, подумала, не вернуться ли назад. Но она выразительно подумала и пошла себе дальше. Зрители так и ахнули. Поэтому я в кошек очень верю.

Марина РАЙКИНА.

Яшин ищет точку возврата

Но вернемся на сцену. Шут-горбун — **Андрей Зайков** — хромая, поднимается из ложа. За спиной у него барабан, волочит за собой большую куклу в виде рыжего клоуна.

Я проклял стариком... Пока он говорил И называл меня лакеем, я дурил. О, я был подлецом! Смеялся. Но я очень Словами старика сегодня озабочен.

Бьет в барабан, и Сергей Яшин воспринимает это как сигнал опять бежать на сцену.

— Вот смотри, засела эта дурацкая фраза про старика, и я не могу отвлечься от нее. Стихи Яшин разъясняет прозой для того, чтобы артист с нужной интонацией произнес лишь одно: «Я проклял стариком». И так будет долго, пока не услышит что-то свое. — Я проклинаю вас. И это счастье, большая победа: наконец-то меня прокляли!!!

Мастер заводится. Мечется по сцене в черной рубаше, как ворон в танце.

А вот и танцы — точнее, знойное танго в исполнении молодых артистов. Таким пластическим образом они представляют двор короля. Судя по всему, Яшин замутил гремучую смесь из стихов, сейчас почти не звучащих со сцены, музыки разных эпох и таких же разностильных костюмов.

Маленький перерыв в репетиции. Яшин курит одну за другой и не замечает, как посыплет костюм пеплом. Хорошо, что не голову.

— Шут Трибуле — горбун, урод. Но у нас не проблема горбатого человека... Пусть она волнует медицину. Дело не в горбах. Гюго писал о человеке. И горб есть у каждого — это комплексы.

— **А какой, скажем, комплекс у вас?**

— Ну, какой-то недооцененности меня и моего театра. Или у других — он богатый, а я нет. Его женщины любят, а меня нет. Их миллион, и у каждого свой. Дело в другом: куда наш комплекс нас толкает. Шут думает: мне плохо, и у меня одно желание, чтобы всем было плохо. Если человек сделал для себя религий злобу, то появляется старуха-ненависть. Наступит час расплаты.

Пока же на сцене, похоже, пробил час любви. Вышла тоненькая в талии Бланш — **Наталья Мазурова**. Раскачиваясь и вращаясь, напевает о любви. Точнее, поет Эдит Пиаф, а Бланш лишь вторит ей.

Крутой музыкальный замес задумал Яшин, а художница **Елена Кочелаева** эту романтическую историю оформила чрезвычайно эффектно. Согласно ее замыслу, все 5 актов имеют 5 разных цветов. Первый — белый в духе модерн, второй — черный, третий — золотой, а четвертый и пятый — красный. Причем кроваво-красные костюмы будут в стиле 30-х годов.

— **Что общего у пьесы с оперой «Риголетто»?** — спрашиваю Яшина.

— Пьеса про другое. Лихие либреттисты, которые написали либретто для Верди,

все упростили, и Гюго не узнал своей пьесы, опера ему не понравилась. Он согласился на ее показ только при определенных условиях. Но в силу грандиозности музыки «Риголетто» стала шедевром. Самое главное, что вся история не про герцога — такого зарвавшегося циника. Там столкновение тем ненависти и любви. Жажды вырваться и темы расплаты.

Знаешь, есть в авиации термин — точка возврата — это когда самолет летит без дозаправки и наступает момент, когда он может развернуться и вернуться на аэродром с этим же запасом горючего. Это называется точкой возврата. Вот в жизни человека существует некая такая точка. Все мы грешны, бываем такими-сякими, но надо не пролететь свою точку возврата, потому что, если ты ее пролетишь, — поздно. Включается счетчик судьбы. И как это страшно, и как хочется про это самому себе напомнить.

На сцене три актера и одна большая кровать со спинкой из металла. Дело близится к развязке: цыганка заманила к себе легкомысленного короля, и ее брат-киллер (**Александр Волков**) готовится к убийству.

Я — казнь.

Вот наши имена.

Но грозные слова иллюстрирует весьма легкомысленная сценка в духе «Мечтателей» Бертолуччи. Троица ныряет в постель и пы-

БЛИЖАЙШИЕ ПРЕМЬЕРЫ

ТРИ СЕСТРЫ БЕЗ ДЯДИ ВАНИ

Пожоже, что самой популярной пьесой нынешнего сезона станут чеховские «Три сестры». Одна ее премьера уже на выходе в «Мастерской Петра Фоменко». Вторая — проект Международной конфедерации театральных союзов — находится на стадии репетиций.

Причем репетиции под руководством англичанина **Деклана Доннеллана** проходили исключительно на пленэре и в уединении. Сестры и их окружение уединились в Осташкове, где в частном пансионате на Волге практически собрали все четыре акта. Начинили в 11 утра, заканчивали вечером. А после жили по режиму пио-

Сестры Кутеповы.

нерского лагеря — с кострами и песнями. На роли сестер Прозоровых после серьезного кастинга Доннеллан утвердил трех актрис из разных столичных театров: **Евгению Дмитриеву** (Малый театр) — Ольга, **Ирину Гриневу** (Театр им. Станиславского) — Маша, **Нелли Уварову** (РАМТ) — Ирина. Полковника Вершинина сыграет любимый актер английского режиссера **Александр Феклистов**. Несмотря на готовность №1, этих «Сестер» выпустят только весной. И не в Москве, и даже не в Осташкове, а в Париже.

Зато у Петра Фоменко практически все готово, включая декорации с костюмами **Владимира Максимова** и **Марии Даниловой**. И актеры: сестер играют три сильнейшие актрисы труппы: **Галина Тюнина** и сестры **Кутеповы** — **Ксения** и **Полина**. Наташа — **Мадлен Джабраилова**.

Премьера чеховской пьесы ожидается 13 сентября.

ГЕНАДИЙ АБРАМЕНКО